

Характер состоит в энергичном стремлении к достижению целей, которые каждый себе указывает.

В.ГЕТЕ.

проблему ставит читатель

Вместо пособия на ребенка выдали... сгущенку

В нашем районе с ноября 1994 года не выплачивают пособие на ребенка. А сейчас ставят в известность, что денег нет, поэтому их заменяют талонами на продукты (масло, сгущенка, соль...). Правильно ли такое решение администрации? И еще: как обстоят дела с выплатой пособий в других районах области?

Н.Волкова,
Тяжинский район.

Дождаться гарантированных государством пособий на детей не могут жители большинства городов и районов области. Объясняется это очень просто. Выплата пособий производится из средств местного бюджета. А он формируется за счет собственных доходов (отчисления предприятий) и дотаций из области. Поскольку сегодня многие предприятия простаивают или работают себе в убыток, то платят и бюджет, как районный, так и областной, поступают не в полном объеме. Так, за 1994 год областной бюджет был выполнен лишь на 81,6%.

Кроме того, область не получает из Москвы той финансовой «подпитки», которая необходима для нормального существования. В прошлом году с нами не рассчитались республиканский бюджет по трансферту на 314 млрд. руб.

Ввиду этих финансовых осложнений у областного бюджета осталась крупная (в сумме 260 млрд. руб., или 26% от плановых цифр) задолженность по дотации перед городами и районами. Все это, естественно, влияет на своевременность разных выплат, в том числе и «детских».

Что касается «отоваривания» пособий, то данная акция незаконна. Кстати, применяя ее только в Тяжинском районе. В федеральном Законе «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19 мая 1991 года установлен размер ежемесячных пособий на ребенка в денежном выражении. Стало быть, матери вправе отказать от талонов. Но тогда

им придется ждать, пока у района появится достаточное количество денег для расчета с населением.

Вы спросите, как долго ждать обещанных пособий? Руководитель райфинотдела Тяжинского района Т.П.Погорельская рассказывает:

— У нас практически нет своих средств. В прошлом году объем собственных доходов составил около 30%, а остальные 70% должна была выделить область. Размер дотации был запланирован в сумме 15 млрд. руб., фактически было выделено 12 млрд. 200 млн. руб. Этот долг — 2 млрд. 800 млн. — так и висит, область погасить его не в силах.

В нынешнем году опять живем без доходов. В первом квартале в районный бюджет поступило 880 млн. руб., а только на зарплату работникам областного бюджета требуется 4 млрд. руб., плюс компенсация за детей — 800 млн. руб.

Поэтому при расчете с населением был один выход — использовать систему взаиморасчетов. То есть выдать людям то, что имеем: выращенные и произведенные продукты питания. Кстати, мы «отовариваем» только прошлый годовой долг. Сейчас рассчитываемся с мамами (за январь-март) в денежной форме.

— Но ведь талоны незаконны? — Некоторые законы в нашем государстве не всегда жизнеспособны. В силу различных объективных причин. Знаете, я сама мать и хотела бы на «детские» купить одежду. А мне дают крупы. И приходится брать то, что дают.

— Когда рассчитаетесь с людьми за май, июнь? — Неизвестно. Экономическая ситуация в районе не улучшается, а те деньги, которые есть, уйдут на зарплату и отпуски.

Для сравнения я решила узнать, как идут дела в другом районе — Кемеровском. Заместитель заведующей райфинотделом Л.В.Бурковская расска-

зала, что с выплатой «детских» здесь стараются уложиться в срок. Как-то, правда, задержали пособие на месяц (в январе отдали декабрьский долг), так «столько шума было, столько шума!».

У Людмилы Викторовны я спросила также, сколько район имеет собственных доходов в течение квартала. Оказалось, что в десять раз больше тяжинцев — 2 млрд. руб. А расходы чуть меньше — 3 млрд. на зарплату и 800-900 млн. на «детские».

Может быть, финансовое положение области могло бы быть лучше, если бы в бюджет подбросили денег побольше, чем кемеровчанам? Надежда Михайловна Грюк, замначальника бюджетного отдела главного финансового управления области поясняет:

— Мы не можем одни район ставить в несколько лучших условиях, чем другие. Дотация в местные бюджеты идет равными долями по условному весу каждой «территории» в общем объеме дотации.

Комментарий автора:

Никто не спорит: то, что положено, надо отдавать. «Отоваривание» пособий — это плохо. Но это лучший выход из худшего. Могло быть и так, что матери в Тяжинском районе до сих пор не получили бы ни денег, ни продуктов. А потом им выдали бы обесцененные инфляцией крохи.

Или такой вариант. Вместо всегда нужных в домашнем хозяйстве продуктов мамы могли бы получить какой-нибудь задежный товар. Практика подмены денежных выплат товарами, холодильниками или еще «лучше» — сигаретами, увы, еще не изжитая.

Талоны вместо пособия — вынужденная и, я уверена, временная мера. Надо как-то пережить затянувшийся период экономического спада. Как только пойдут отчисления в бюджет — пополнится и ваш кошелек.

Елена ШЕРБАКОВА,
корр. «Кузбасса».

письмо
в редакцию
Что
мне делать?

Здравствуй, редакция газеты «Кузбасс».

Пишет вам Коваленко Людмила Анатольевна, мать пятерых детей. А дело вот в чем.

В 1993 году в марте взяли мы ссуду на корову. И после этого пошла катаясь: то дадут заработанные деньги, то нет. И вот теперь уже который месяц не дают зарплату. А чем платить ссуду? Процент за ссуду-то растет, а получаю за ноябрь прошлого года будет же.

Не знаю, куда по этому вопросу обратиться. Была у главы нашей местной власти Каримовой. Писала Тулееву. Ответа нигде нет. Я сама работаю на подстанцию, получила 17290, 39707, 27205 — в прошлом году, 41832, 38684 — в этом. Вот моя зарплата, и как эти деньги можно поделить на шесть человек? А у меня трое учеников. Кроме того что требуется поесть, их надо еще одеть. Ведь мы ссуду брали не от роскоши.

Пенсионеры тучат: что, мол, теперь детей не растить — им помогают. Может, пенсия и поможет, но не в Марининском районе. «Детские» деньги дадут спустя три месяца. Как хочешь, так и живи: корки и олевы детей.

Сыновья мои попросту: илте защищать Родину, а что им сейчас дает Родина? Извините за письмо, если что не так.

Людмила КОВАЛЕНКО,
Марининский район.

прокатному производству в Кузбассе — семьдесят лет

Алексей Воробей

Семьдесят лет назад, в 1925 году, на старейшем в Сибири Гурьевском металлургическом заводе был пущен в строй прокатный цех. Событие это знаменательно не только для Кузнецкого края. Смотри шире. Наконец-то замкнулась цепь долговременных событий, в которых шли несколько лет. В 1922 году построенная в Гурьевске домна дала первый чугун, полученный не на древесном, как прежде, а на каменном, местном, кузнецком угле. Маленькая гурьевская домна указала, таким образом, путь к возрождению российской металлургии. Спустя пару лет состоялся пуск мартеновской печи, которая обеспечила прокатчиков стаальной заготовкой. И вот наконец, в ноябре 1925 года, металлургический цех был окончательно завершён. Гурьевский завод, единственный в ту пору на всем российском востоке, стал поставлять стройкам, машиностроительным предприятиям Сибири не чугунные болванки и даже не стальные слитки, а готовую,

за прошедшие семьдесят лет коллектива прокатного цеха воспитал немало талантливых рабочих и инженеров. Один из них — Алексей Воробей. В прокатном цехе Гурьевского металлургического завода Алексей Михайлович проработал без малого пятьдесят лет. Из цеха отлучался всего один раз — на службу в армию.

Однако даже в дни армейской службы завод настойчиво напоминал молодому прокатчику о своем существовании. Однажды молодому воину-дезактанту торжественно, перед строем, вручили присланную из Гурьевска медаль «За трудовую доблесть».

Это не единственная награда рабочего. За свой немалый вклад Алексей Воробей не раз удостоивался высоких правительственных наград. К слову, есть у него даже орден Ленина, иные ордена и медали. И хотя награды прежнего режима ныне как-то деваляризовались и даже стали предметом купли-продажи, достались они Алексею Михайловичу нелегко, и он ими по праву гордится.

Как-то подваливали к Воробью с предложением в прокатный цех, сулили щедрую мзду. Однако встретили у каменного металлурга такой резкий отпор, услышали столько крепких слов, что за благо сочли поблуду-позлоруду ретироваться.

Алексей Михайлович дорожит по праву каждым своим орденком, каждой медалью. Но милее всего награда ему почетное звание «Заслуженный металлург республики».

Многое не нравится старому металлургу в нынешних порядках. Прежде всего бездуховность общества, утрата четких нравственных ориентиров, коммерциализация всего и вся. Конечно, реформы нужны, кто спорит, но нельзя отбрасывать все доброе, что было в прошлом. А у нас часто с грязной водой выплескивают и ребенка.

В прокатный Воробей пришел почти полвека назад, после окончания ремесленного училища. Вообще-то он хотел стать электриком, однако начальство, поглядев на крепкого, широкоплечего, ладного деревенского парня, рассудило иначе — определило в группу прокатчиков. Среди металлургов прокатчики всегда отличались ростом, силой. На заводе им не было равных. Разве что мартеновцы могли с ними соперничать.

«А я и не жалел, что попал в прокатный» — такую фразу оборонил в разговоре со мной Алексей Михайлович. Молодой рабочий пришлось здесь ко двору. Какое-то вре-

мя поработал рядовым вальцовщиком, затем выдвинулся в старшие вальцовщики, затем в мастера и даже в начальники смены. Теперь же Леа (так уважительно его величают в цехе) — заместитель начальника прокатного цеха. Доводилось ему какое-то время (в период «разброда и шатаний») исполнять обязанности начальника. И ничего — получалось. Да и как не получится, если отличишься Воробей редким трудолюбием, добросовестностью, слов на ветер зря не бросает, умеет понимать своего брата-рабочего.

За полвека прокатный стал для Алексея Михайловича домом родным. Здесь он знает каждый закуток. И хотя давным-давно выработал «горячий стаж», дающий право на льготную пенсию, да и лет прожито на свете немало, Воробей не мыслит пока своего существования без родного завода, без прокатного цеха. Ныне «стукнет» ему шестидесять пять. Не только по металлургическим, но любым стандартам возраст, что ни говори, почтенный. Однако Алексей Михайлович продолжает работать. Со своими обязанностями справляется без всяких скидок. Видимо, сказывается порога долголетию, надежный крестьянский закал.

Баба Анна, царствие ей небесное, умерла на девяносто седьмом году. Отец жив и поныне — ему девяносто четыре. Прошел всю войну, много лет бригадировал в колхозе. Он и сегодня, в меру сил, тянет свой земной юз.

Воробей в злые годы, в Салаирский край, «залетели» с Украины, с Черниговщины, с самых что ни есть черныбыльских мест. Случилось это еще до Великой Отечественной войны, в сороковом году. Поселился в деревне Дименке, что находилась в пяти километрах от села Урского. Сегодня нет ни деревни, ни села. А до войны в Дименке находился довольно крепкий колхоз «Путь к социализму», где отец Алексея, мужик башковитый, хозяйственный, бригадировал.

Не успел Воробей гнездо свить на новом месте, обособиться, как началась война. В первые же дни отца призвали в армию. На попечении матери. Улыты Ивановны, осталась трое малых детей. Всец подняла, все поставила на ноги, хотя далось ей это ой как нелегко. Однако не сломалась, все вытерпела. Надежда — учительница, Людмила — экономист.

Сызмальства пришлось «едем узнать цену крестьянского труда, отдавать вкус военного хлеба. Алексей, в четырнадцать лет, сидел за рулем трактора. Трудился он в родном

колхозе, хотя состоял в штате Горьковской машинно-тракторной станции. Парнишка он был видный, работящий, справливый. Вокруг таких всегда кучкуется сельская молодежь. Много лет его избирали секретарем колхозной комсомольской организации, членом пленума Гурьевского райкома комсомола. Что ни говори, а целое поколение советских людей прошло в комсомольской школе жизни. Кто из нас не помнит слова популярной песни: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым...».

В деревне, особенно в годы войны, тракторист — фигура заметная. Техническая элита, можно сказать. В душе у Алексея Воробья всегда жила великая тяга к технике. Она и привела его в ремесленное. Возможно, кто-то подожмет губки, скажет презрительно: «Подумаешь, ремеслу!» Однако не следует забывать, что через эту систему подготовки кадров в свое время прошли миллионы. Подготавлившие большинство из них стали заслуженными, уважаемыми людьми.

Стремление отвечать духу времени, жажду знания привели Алексея Михайловича в Нижнетагильский металлургический техникум. Не слишком-то удобно было ему, сорокалетнему, сидеть рядом с безусыми пацанами. Но что поделаешь? Воробей прекрасно понимал, что время делов-практиков безвозвратно ушло. На металлургический завод приходил новая техника. Так что хочешь не хочешь, а неизбежные перемены приходится соответствовать.

Шутка ли — полвека в прокатном. Такое в черной металлургии встретить нечасто. Тем более, что прокатный цех Гурьевского завода по уровню своего оснащения считался далеко не лучшим. Воробей — активный участник реконструкции цеха, которая вывела его на приличный уровень в отрасли. Участники тех славных дней до сих пор трудятся на заводе. Главный заготовщик, душа дела Эрнст Яковлевич Классен, стал генеральным директором АО «Гурметзавод». Бывший начальник прокатного Борис Викторович Иванов ныне технический директор завода. Прокатчик Яков Семенович Чернеев сегодня возглавляет коммерческую службу.

За эти полвека случалось всякое — были моменты приятные и неприятные. К числу первых можно отнести недальнюю поездку в Соединенные Штаты Америки. В такие командировки у нас обычно ездят чиновники высокого ранга, депутаты, «новые русские». А тут простой рабочий-металлург. Причем с Гурьевского

Новый железнодорожный вокзал

ЕКАТЕРИНБУРГ. Принял первых пассажиров новый железнодорожный вокзал на Среднем Урале. Это современное здание с прекрасными залами отдыха, кассами дальнего следования и пригородных поездов. Новое здание архитектурно вписалось в ансамбль железнодорожного комплекса.

НА СНИМКЕ: новый железнодорожный вокзал.

Фото
Анатолия Семехина.
(ИТАР-ТАСС).



металлургического завода не он один.

За десять дней побывали в Нью-Йорке, Вашингтоне, осмотрели залы заседаний Организации Объединенных Наций, американского конгресса, полюбовались мощью Ниагарского водопада. Ничего не скажешь, событие, безусловно, приятное.

Всякий человек оставляет свой след на земле. Эстафету поколений передает дети. И как бывает счастливым тот, кого они не подводят. У Нины Васильевны и Алексея Михайловича шестеро детей и десять внуков. И все они родители не разочаровывают.

Рядом с отцом, в прокатном, сегодня трудятся сын, дочь и зять. Виталий — вальцовщик. Лариса — работнич службы технического контроля, зять, Александр Сорокин, председатель старинного рода гурьевских металлургов, нагревальщик. С такой вот семейственностью можно согласиться.

Глубоко пустило корни в кузнецкую землю родовое древо гурьевских Воробьев. Сын Алексея Михайловича Юрий трудится на Запсибе. Он тоже прокатчик, сборщик валков стана «450». Сергей работает заместителем начальника производственного отдела Гурьевского металлургического завода. Он — выпускник Сибирского металлургического института.

В колледже при Сибирском металлургическом институте учился ныне внук Алексея Михайловича — Володя. А это значит, что династия металлургов, родоначальником которой стал крестьянский сын Алексей Воробей, не прерывается.

Открыто и просто, без лишнего зата, у людей на виду живут гурьевские Воробьи. Крестьянское происхождение Алексея Михайловича, трудовая заплата Нины Васильевны дают о себе знать. Старшие Воробьи все привыкли делать своими руками. На помощь, когда надо, приходят и дети, и внуки.

Просторный дом Воробьев на окраине Гурьевска, на опушке именитого соснового бора. Вот где радуются! Есть и приватный участок, держат скот, птицу. Не только сами кормятся, но и солидно попомянут и детям, и внукам. Ничего не скажешь, завидная судьба!

Смотрю я на этих уверенных, знающих себе цену людей и думаю: до чего же жилистый народ живет в российском клубнике. И не надо нам надеяться на чью-либо помощь, надо научиться все свои проблемы решать самому. И успех обязательно придет. Побольше бы нам таких Воробьев, и Россия обязательно встанет на колени. Она еще будет вызывать удивление и зависть у своих соседей.

Михаил СОРОКИН, профессор Кемеровского государственного института искусств и культуры, г.Гурьевск.

ненужные приоритеты

Колесо прикатилось к банкротству

Мощный самосвал, рядом «легковушка» ростом в половину колеса — популярный снимок. К сожалению, специалистам «Кузбассразрезугля» он видится не символом мощи отечественной индустрии, а проблемой, решить которую оказалось сегодня невозможно.

Консерву, с его огромным парком большегрузных автомобилей, новой «обувки» для этих большегрузов всегда не хватало, а отработанных, старых покрышек, наоборот, было в перизбытке всегда. От них не знали, как избавиться. Вабоавок начиная с 1991 года экологи заставили автобазы платить большие штрафы за разбросанные галы попола покрышки.

В сентябре того же года консерн решил покончить с ненужными издержками. Было образовано товарищество «Шина» с простой задачей — шина старую прирешение.

Как это сделать, никто не знал, технологий утилизации не существовало не только у нас, но и за рубежом: японские самосвалы — единичны, французские расходились по всему свету, и проблем с утилизацией у них не возникало. Переработка же обычных шин не подолшла — рассчитана на искусственный, а не на натуральный каучук.

Учредители проекта нахились солидные — Кемеровский сбербанк, Бачатская, Томусинская автобазы и др. По приказу сверху были выделены деньги.

И оказалось — не напрасно! Поиски привели к созданию экспериментальных, первых в практике, линий на разрез «Бачатский» и «Междуреченский».

Крупногабаритная шина, та, что вадов выше «Москвичка», режется на ленту, крошится в «лапшу», а затем в миллиметровую крошку. Крошка оказалась поистине бесценной. При

добавлении в битум получилось новое химическое соединение. Привычные мазут, пресыщенный серой и парафином, а потому не липнувший даже к сапогу, становится вязким. Из крошки получились отличные прокладки для железнодорожных шпал.

Пригодной оказалась она в обувной промышленности и в той же шинной. А в строительстве применение ее вообще безгранично. И везде — чистота, никакого загрязнения окружающей среды!

Но дальше все оказалось гораздо хуже. Шинные заводы

практически без денег. Киселевская обувная фабрика и Томский кожевенный завод отвернулись — дешевое сырье снижает себестоимость, а значит, и зарплату — им лучше что-нибудь импортное.

Между тем хранение каучуковой крошки всего за месяц приводит к самовулканизации, она слипается. Перерабатывать ее надо побыстрее.

Разумеется, выпуск изделий можно бы наладить на месте, которые готовы покупать кемеровские железнодорожники, кожевники Черногорска. Интересные запросы идут из

Якутии, с Урала, из Казахстана. Но где взять деньги на пресс-формы, на прессу, на то, на се, на помещення? У консерн их нет.

Директор «Шины» Н.В. Прищенко горячо уверяет, что никогда не просил государственных дотаций. Предлагал лишь использовать часть поступлений от предприятий за загрязнение окружающей среды. Только разрез «Бачатский» должен за это чуть не полтора миллиарда рублей!

Директора многих автобаз инициативу поддержали, но они ничего не решают. Деньги, попададая через экологические комитеты в один мешок (бюджет), расходится по многим направлениям. Уходят, словом.

Чтобы хоть как-то остановить на плаву, коллектив освоил ремонт поврежденных шин, вплоть до тех, что для «Тойоты». Но этого крайне недостаточно. Даже зарплату апрельскую получили в июне...

Попытка директора взять кредит в экологическом фонде не удалась. Не нашлось надежного гаранта, которым, как правило, выступают банки. А банкам нужна выгода тут же, поскорее. К тому же «БелАЗ» — не «Мерседес», за долги его не продашь.

Иначе говоря, банкротом «Шина» уже признана, и если денег в течение месяца не найдется, беззалоговое дело будет тихо ликвидировано.

Разве что иностранцы подсаются — они уже интересовались...

Алексей БУТАЕЦ,
студент Кемеровского университета.



